

[Кап! Вы активировали задание на звание!]

Вэй Сюнь сразу понял, что настенные петроглифы в этой скрытой комнате изображали практику дуалистического слияния, и всё потому, что в ту же секунду, как он взглянул на них, в его сознании прозвучало уведомление от Турагентства:

Название задания: Серия "Охотник за Сокровищами"

Описание:

Будучи новичком, вы обнаружили три древних памятника за десять минут и уже нашли два тайных артефакта! Видимо, у вас действительно есть талант и удача истинного искателя сокровищ!

Награды:

- [] Археолог (зелёное звание)
- [] Авантюрист (синее звание)
- [] Охотник за Сокровищами (фиолетовое звание)

Прогресс: 20%

Подсказка:

Исследуйте больше руин! Время скрыло несметные богатства по всему миру - находите их, ведь именно это должен уметь настоящий охотник за сокровищами!

Как только Вэй Сюнь получил это сообщение, звание "Археолог" автоматически активировалось. Теперь, глядя на петроглифы, он как будто видел их расшифровку:

"Изображение защитников дуалистической практики школы Бон (гневный Видьяраджа и небесная гневная дакини Акаша)"

- Условия довольно жёсткие, - пробормотал он себе под нос, приостанавливая дальнейшее исследование.

Он подобрал несколько плоских камней и кусков земли, чтобы прикрыть трещину в полу, и занялся изучением нового задания. Требования для активации этой серии званий были действительно суровыми:

1. Новичок.
2. Обнаружить три древних памятника за 10 минут.
3. Найти два тайных артефакта.

Такое сочетание было настолько редким, что даже Вэй Сюнь счел его практически невыполнимым без посторонней помощи. Только благодаря Лисёнку и Снежному Барсу ему удалось "найти три руины за десять минут".

- Наверное, если только где-то под боком не окажется целое скопление древностей, вроде погребального комплекса, иначе выполнить условия невозможно, - размышлял он.

Однако если рассматривать только звание "Археолог", оно было куда проще в получении.

Археолог (зелёное звание)

Вы - опытный археолог, и во всём, что связано с обнаруженными вами руинами, вам сопутствует необычайная удача.

Даже с ограничением ("понимает только те артефакты, которые сам нашёл"), звание было чрезвычайно полезным. Например, теперь, разворачивая карту на человеческой коже, он сразу узнал, что это - "Карта Гу Синя", а загадочные древние символы Шангшунга стали частично понятны.

- Думаю, сложность обусловлена тем, что это серийное задание, - предположил Вэй Сюнь.

Вряд ли для получения "Археолога" или "Авантюриста" по отдельности требования были бы такими строгими. Но тут он активировал целую цепочку званий: от зелёного "Археолога" до фиолетового "Охотника за Сокровищами"!

Теперь, следуя заданию, Вэй Сюнь мог последовательно улучшать свои титулы. На 20% прогресса он получил зелёное звание, на 50% - синее, а в конце - фиолетовое.

Кроме того, внизу задания лежало очень важное примечание:

Примечание: Поскольку вы участвовали в открытии маршрута 30° северной широты, при получении звания "Охотник за Сокровищами" оно автоматически улучшится до оранжевого - "Исследователь"!

- Вот это удача! - ухмыльнулся он.

Размышления о званиях

До этого Вэй Сюнь встречал всего два типа развивающихся званий:

1. [Западный Хунань, Постоянный Клиент] - у Мяо Фанфэй и Ван Пэнпая. Улучшалось за многократное посещение одного и того же места.
2. [Начинающая Гу-Колдунья] - у Мяо Фанфэй. Развивалось за счёт использования гу-магии.

Теперь у него появился третий тип - серия званий, связанных с исследованием древностей.

Но что гораздо важнее - он задумался о своём начальном звании - "Нечувствительный к Боли".

В своё время он читал пост Бай Сяошэна, где говорилось: "Бин Цзю - один из всего двух "Хладнокровных" в мире".

Если учесть, что никто не оспаривал это утверждение, а Линь Си и Ван Пэнпай по "отсутствию боли" сразу признали в нём Бин Цзю, значит...

Звание "Хладнокровный" чертовски редкое.

Но как его получить?

По логике, Вэй Сюнь в реальной жизни уже почти соответствует этому званию:

□ Не чувствует боли

□ Не подвержен негативным эмоциям

□ Не боится холода

Так почему же у него до сих пор звание "Нечувствительный к Боли" (зелёное), а не "Хладнокровный" (фиолетовое)?

- Надо будет поэкспериментировать... - пробормотал он.

Планы на ближайшее время

Поскольку до общего сбора оставалось всего полтора часа, глубокое изучение руин сейчас не имело смысла - всё равно не успеть.

К тому же карта Гу Синя была уже расшифрована и запомнена.

- Снежок, идёшь на охоту? - спросил он у невидимого где-то рядом снежного барса.

Хищник не уходил, поэтому Вэй Сюнь решил спуститься вниз по склону.

Бедонгцзонг - священная гора Бон, и здесь всегда можно встретить паломников. Хотя Вэй Сюнь передвигался с нечеловеческой ловкостью, а рядом с ним шёл снежный барс, никто не обращал на него внимания.

Это был первый раз в Путешествии, когда он столкнулся с обычными людьми. В отличие от "Пьянящей Красоты Западного Хунаня", где не было ни души, здесь он смог в полной мере ощутить свою оторванность от нормального мира.

- В деревне Вэньбунань только староста заговорил с ними, остальные игнорировали путешественников.

- Если упоминать озеро Дангрэн-Юнцэ или руины Шангшунга, люди просто не слышали.

Судя по всему, в безопасных маршрутах, расположенных вблизи городов, контраст между "людьми" и "путешественниками" ощущался ещё сильнее.

- Новички сразу понимали: они уже не такие, как все.

Снежный барс, почуяв людей, скрылся. Вэй Сюнь же остановил взгляд на двух монахах, идущих бок о бок...

Два монаха в монашеских одеяниях, неся с собой еду и воду, направились к грязной яковской палатке, расположенной в укромном месте на склоне горы. Именно там, как говорил наследник орлиной флейты, жила Амала, хранительница священной горы. Благодаря своей способности оставаться незамеченным, Вэй Сюнь спокойно следовал за монахами, подслушивая их разговор.

Оказалось, что эти двое были монахами из храма Юйбэнь, расположенного за горой Цюнцзун. Амала, живущая в яковской палатке, была единственной женщиной-монахиней, охранявшей Цюнцзун. Ей уже исполнилось 93 года, и она была одной из тех, кто, подобно тибетским певцам, могла исполнять песни о великих монахах, когда-то практиковавшихся в Цюнцзун, а также о древних царствах Шангшунг и истории религии Бон.

Храм Юйбэнь был известен своей приверженностью религии Бон, и с тех пор, как Амала постарела, монахи не раз пытались уговорить её переехать в храм. Даже представители правительства несколько раз приходили к ней, но Амала была непреклонна – она настаивала на том, чтобы остаться на горе Цюнцзун.

С прошлого года, однако, Амала, похоже, серьёзно заболела. Она больше не покидала палатку и даже перестала совершать обходы вокруг священной горы.

Дороги в районе Цюнцзун были крутыми, и медицинским работникам было сложно добраться до неё. Учитывая её преклонный возраст, перевозить её было опасно – это могло только ухудшить её состояние. В храме Юйбэнь был Лама, разбирающийся в тибетской медицине, который навещал её, но он не стал ничего рассказывать, лишь молча ушёл.

Эти двое монахов были молоды и любопытны, и в этот раз именно им выпала честь принести еду легендарной Амале. Они болтали всю дорогу, и Вэй Сюнь слушал их, размышляя. Судя по их словам, Амала, похоже, была не просто больна – скорее, она столкнулась с чем-то зловещим во время обхода горы, словно одержимая демоном.

Перед тем как войти в палатку, монахи замолчали. Они не обращали внимания на грязь и тщательно убрали пространство. Они не просто принесли еду, но и провели очищение. Вэй Сюнь вошёл за ними и огляделся. Внутри палатки стоял тяжёлый воздух, пропитанный запахом гниения.

Внутри горела лишь одна тусклая масляная лампа, освещающая беспорядок: груды камней, разный хлам, заплесневелые шкуры яков и овец, бумажные флаги с молитвами – это место больше походило на свалку, чем на жилище.

Единственный относительно чистый угол был застелен почерневшими одеялами, на которых лежала крошечная фигура.

Её седые волосы были растрёпаны, на голове – выцветшая шапка, а глаза, покрытые серой пеленой, казались впалыми, как у скелета, обтянутого кожей.

Монахи убрались, разговаривали с ней, достали цампу и чай с молоком, но старуха оставалась равнодушной, не обращая на них внимания. Её взгляд был прикован к входу в палатку, словно там кто-то стоял.

Молодые монахи не выдержали, несколько раз оглядывались, но никого не увидели. Они перестали говорить, ускорили движения и даже дышали тише.

Но Вэй Сюнь лишь улыбнулся – потому что Амала смотрела именно на него.

С того момента, как он вошёл, её взгляд не отрывался от него. Куда бы он ни пошёл, её глаза следовали за ним. Это было молчаливое, пристальное внимание, способное смутить кого угодно – особенно если оно исходило от старухи с мёртвыми, слепыми глазами.

Но Вэй Сюнь не торопился. Он дождался, пока монахи уйдут, и только тогда подошёл к Амале. Взяв чашку с чаем, которую оставили монахи, он протянул её старухе и мягко сказал по-тибетски:

– Амала, выпейте немного.

– Гань Дань Байцзюй послал меня к вам.

Услышав имя наследника орлиной флейты, глаза старухи наконец оживились. Она молча протянула руку, чтобы взять чашку. Вэй Сюнь заметил, что у неё осталось только три пальца – безымянный и мизинец были обожжены до черноты.

Её руки дрожали, и она вряд ли могла удержать чашку. Вэй Сюнь поднёс её к её губам, и Амала, немного подумав, сделала несколько глотков, а затем отвернулась.

- Что Гань Дань Байцзюй велел тебе сделать?

Наконец Амала заговорила. Её голос был хриплым, речь быстрой, с множеством диалектных слов, но Вэй Сюнь понимал её. Возможно, это было связано с его званием «археолога».

- Что бы он ни велел, священная гора не приветствует вас. На тебе отметина демона – уходи.

Говоря это, она пристально смотрела на его левое плечо. На самом деле её слова были куда грубее, с множеством терминов из религии Бон, но Вэй Сюнь не обращал на это внимания.

Говорят, что тибетские певцы, пробуждаясь, могут исполнять целые эпизоды из эпоса о Гесаре, а их глаза видят необычное.

Что же увидела Амала? Узоры на его теле, мумию или отметину, оставленную наследником орлиной флейты? Или она смотрела на его левое плечо, где был татуированный узор бабочки Марии?

Могла ли она почувствовать присутствие «Гостиницы»?

- Вчера я видел дракона в священном озере, – небрежно сказал Вэй Сюнь. – Кто-то устроил жертвоприношение, и дракон вышел из воды. Он решил, что у нас есть связь, и подарил мне кое-что.

Не обращая внимания на её равнодушный взгляд, он достал карту, сделанную из человеческой кожи, и показал ей:

- Вот, это подарок дракона.

- Ух!

Глаза Амалы расширились, словно готовые выпрыгнуть из орбит. Она бросилась к нему, пытаясь вырвать карту.

Вэй Сюнь не стал удерживать её и отдал карту, но его взгляд упал на одеяло, которое слетело с её ног.

Её ноги были чёрными, как кости, невероятно тонкими и ужасающе изогнутыми. Её ступни напоминали полумесяцы, а кожа на ногах была дряблой, с чёрными, гниющими ранами.

Но Амала не обращала на это внимания. Она дрожала, держа в руках карту, её глаза наполнились мутными слезами.

Она попыталась положить карту перед масляной лампой, но её ноги не слушались.

Вэй Сюнь передвинул лампу ближе, и Амала, наконец, смогла положить карту. Она поклонилась ей, бормоча молитвы.

Когда она закончила, её взгляд снова упал на Вэй Сюня. Её глаза, похожие на глазницы скелета, были пронзительными.

- Оно ожило, - внезапно сказала она.

- Что ожило? - спросил Вэй Сюнь, чувствуя, что это ключ к его заданию.

- Человеческая кожа, - прошептала старуха, обнажая беззубые дёсны.

- Эта кожа... она ожила!

- Как кожа может ожить? - спокойно спросил Вэй Сюнь. - Когда с человека снимают кожу, он умирает.

- Это не простая кожа! - резко возразила Амала. - Это кожа великого злодея, одержимого демоном, которого даже боги не смогли сдержать.

Затем она начала напевать отрывок из эпоса о Гесаре - «Жемчужина Шангшунга».

«Легенда о Гэсэре» - это величайший и грандиозный эпос, повествующий о том, как сын небес, царь Гэсэр, спустился на землю, чтобы победить демонов, сражаться во всех землях и принести мир и счастье тибетскому народу. В противовес справедливому и храброму Гэсэру в эпосе есть коварный и хитрый дядя Гэсэра - Дажун Чао Тун.

Если Гэсэр - это положительный герой, то Чао Тун - это антигерой «Легенды о Гэсэре». Он жадный, похотливый, коварный, подлый, хитрый и трусливый. Многие битвы в эпосе начинаются из-за него, как, например, «Жемчужный клан Шангшунга».

Многие эпосы на самом деле отражают исторические события, как и рассказы Амалы, которая поет и рассказывает, но с небольшими отличиями от «Легенды о Гэсэра»:

- Зло, исходящее от Чао Туна, привлекло великого демона Чабала Жэня. Демон разжигает жадность, развязывает войны, и это приводит к гибели невинных. Появление великого демона пробудило уже ушедшего в небеса Будду Дунба Синьжао. Божественный свет озарил великого царя Шангшунга и священного Гу Синя. Царь Шангшунга собственноручно нанес образы божеств на тело Гу Синя.

- Гу Синь, на котором были нанесены божества, достиг великого совершенства. После его смерти следующий Гу Синь снял с него кожу и создал тханку, обладающую безграничной силой. Царь Шангшунга и Гу Синь с помощью этой тханки подчинили великого демона Чабала Жэня. Они сняли кожу с Чао Туна, одержимого демоном, нанесли на нее образы божеств и создали тханку, чтобы запечатать ее под Вэймо Лунжэнем.

Однако позже тханка, сделанная из кожи Гу Синя, которая также использовалась для подавления демонов, была утеряна. Великий демон пробудился, проклял царство Шангшунг, и с тех пор Шангшунг начал угасать, пока не погиб в огне войн.

Гу Синь - это самый почитаемый жрец в царстве Шангшунг. Он был учителем царя Шангшунга, и царь не принимал ни одного важного решения, не посоветовавшись с Гу Сином. На тханке из человеческой кожи, которая находится у Вэй Сюня, самое важное сооружение - «Сайкан» - это храм, построенный специально для Гу Синя.

В мире существует множество легенд, связанных с тханками из человеческой кожи, но на

самом деле их осталось очень мало. В Китае есть две в частном музее в Ухане, а в Потале (дворце в Лхасе) они тоже есть, но по разным причинам их почти не показывают.

Танки из человеческой кожи, обладающие мощной силой, способной подчинять демонов, могут быть сделаны только из кожи великих монахов.

Согласно словам Амалы, те монахи, которые удостоились чести стать тханками после смерти, при жизни принимали тайные лекарства, и на их спины наносили образы божеств, что было своего рода духовной практикой.

Каждое прочитанное молитвенное писание, каждый проведенный ритуал – все это усиливало силу тханки. После смерти их кожу бережно снимали и создавали тханку, которую помещали в храм.

- Это утерянная тханка Гу Синя.

Амала осторожно взяла тханку из человеческой кожи, стоявшую перед масляной лампой, и снова передала ее Вэй Сюню. Ее иссохшее, почти скелетообразное лицо было наполнено торжественностью:

- Это тханка, которую Будда Дунба Синьжао, почувствовав, что великий демон вернется в мир, велел Дракону вернуть людям.

- Но наследник Орлиной флейты сказал, что на ней нарисована карта Драконьего пути, по которой можно найти корону Великой Птицы Гаруды.

Вэй Сюнь поднял бровь:

- Если так, то сама тханка из человеческой кожи важнее карты, не так ли?

- Конечно.

Амала сердито посмотрела на него:

- Ты избран Драконом, и у тебя есть священный зверь, сопровождающий тебя в горах. Поэтому я и рассказываю тебе это.

Вэй Сюнь прищурился, задумавшись. Снежный барс не вошел в палатку, но он чувствовал, что тот наблюдает за ними из укрытия.

Но Вэй Сюнь знал, где барс, только из-за их связи. Как же Амала почувствовала его? У нее действительно есть «небесный глаз»?

- Гань Дань Байцзюй не знает этого. Он всегда хотел вернуться в Шангшунг, но я не пускала его в горы. Не знаю, где он нашел злых демонов, но в момент пробуждения Чабала Жэня он пришел в руины Шангшунга.

Амала, не зная, о чем думает Вэй Сюнь, с тревогой сказала:

- Нельзя кормить Чабала Жэня человеческими жертвами, иначе он вырвется из человеческой кожи и устроит катастрофу.

Она сильно ударила по своей ноге, и ее иссохшие губы дрогнули:

- Мои ноги были схвачены им, и я чуть не погибла. Но я читала «Ганьчжур», и он, выпив мою кровь, ослаб и не забрал мою жизнь.

- Если бы мои ноги были целы...

Амала не договорила, снова и снова ударяя по ногам, словно не чувствуя боли. Очевидно, она хотела сказать, что если бы ее ноги были целы, она бы сама отправилась с тханкой Гу Синя, чтобы подавить пробуждающегося демона.

- Са, пожалуйста, расскажи монахам в Малом Лесном Храме, что демон пробуждается, и тханка Гу Синя снова появилась.

Амала сняла с шеи нитку бус и торжественно передала Вэй Сюню:

- Она защитит тебя и принесет удачу.

Это была нитка бус, каждая из которых была похожа на финик, по цвету напоминала агат, темно-коричневый, почти черный, с загадочными белыми узорами, похожими на глаза.

Удивительно, но на каждой бусине было по девять таких «глаз», и все они были одинакового размера, расположены равномерно, словно их создал мастер, а не природа.

Звание археолога пригодилось: Вэй Сюнь сразу понял, что это знаменитые тибетские дзи.

Считается, что дзи – это реликвии великих монахов или скрытые сокровища. Те, что дала Амала, были самыми древними и чистыми – девятиглазые дзи Шангшунга, священные предметы религии Бон.

Это настоящая ценность! Даже лисенок, обычно скрытный, вылез и, словно замороженный, потянулся к бусам, умоляюще мурлыча:

- Хозяин, хозяин, дай мне их, можно мне их сохранить?

Москит, в отличие от лисенка, не любил эти бусы и улетел к пятке Вэй Сюня.

Поскольку дзи не были наградой от Туристического агентства, Вэй Сюнь не мог их идентифицировать, но по реакции лисенка и москита понял, что они обладают мощной энергией, сравнимой с бумажными фигурками, которые он давал лисенку, а может, и сильнее.

Бумажные фигурки использовались для атак и общения, а дзи Шангшунга – это чистая защитная энергия, подавляющая все зло.

Амала, увидев горностая на плече Вэй Сюня, улыбнулась. Эта суровая старуха, казалось, любила животных. Она даже поманила горностая, предлагая ему молочный чай.

Она не спросила имя Вэй Сюня, называя его «Са» (тибетское слово «снежный барс»).

Одна только ее преданность и сила духа, несмотря на возраст и увечья, показывали, что люди с крепкой верой обладают невероятной духовной силой.

- Не нужно сообщать Гань Дань Байцзюю?

Вэй Сюнь спросил:

- Мы идем в руины Шангшунга, в Малый Лесной Храм и в заповедник Чангтан. Если не случится ничего неожиданного, он точно пойдет с нами.

Ведь весь маршрут - это «следование за последним наследником Орлиной флейты в запретную зону Северного Тибета, чтобы раскрыть неизвестные тайны». Пока Гань Дань Байцзюй жив, он пойдет с ними.

Но Вэй Сюнь, получив ее дзи, спросил. Если бы Амала все еще не хотела пускать Гань Дань Байцзюя в горы, у него могли быть способы.

- Не обращай на него внимания.

Амала холодно ответила:

- Это его судьба.

«После этих слов Амала снова начала бормотать молитвы, не желая больше обсуждать другие темы. Вэй Сюнь взглянул на время и, увидев, что уже почти десять часов, попрощался с Амалой и покинул палатку.

Обобщая слова Амалы, можно сказать, что демон Чабала Жэнь вселился в злодея Чао Туна, и, чтобы подавить демона, древние жители Шангшунга нарисовали на его коже божеств и будд, содрали его кожу, чтобы сделать тханка, и использовали кожу Гу Синь для подавления.

Теперь эта кожа, запечатывающая демона, ожила. Она хочет вырваться из-под власти божеств, питаться плотью и кровью жертв, чтобы увеличить свою силу и освободиться от человеческой оболочки.

Амала сказала, что эта тханка, запечатывающая демона, была подавлена под Вэймолунчжунем, но Вэй Сюнь знал, что Вэймолунчжунь - это скорее легендарное место, чем реальное.

Согласно легендам, Будда Дунба Синьжао родился в Вэймолунчжуне, и это было изначальное место происхождения религии Бон, центр вселенной, рай. Он находился на западе земли, имел форму восьмилепесткового лотоса, в небе парили восемь золотых колес, а девять перекрывающихся гор в форме свастики смотрели на землю. Четыре реки текли у подножия гор в четыре стороны.

Это должно было быть местом из легенд, но, к удивлению Вэй Сюня, на карте тханка с человеческой кожей, под храмом Сайкан, было нарисовано девять свастик. Это не могло быть совпадением.

«Должно быть, древние жители Шангшунга создали под храмом Сайкан комнату, чтобы подавлять человеческую кожу, подражая Вэймолунчжуню?» - пробормотал Вэй Сюнь.

«Тот факт, что Амала могла быть ранена кожей, говорит о том, что она находится в руинах Шангшунга, на горе Цюнцзун. Дракон, жертвоприношения, кровь...»

«Передающийся через поколения флейта орла приносит жертвы дракону. Он думает, что демон находится в желудке дракона?»

Вэй Сюнь задумался. Он контролировал Юэ Чэнхуа и знал, что Дин И, следуя указаниям наследника флейты орла, накормил драконью рыбу десятками овец и четырьмя людьми.

Неужели правильный способ жертвоприношения драконьей рыбе – это накормить её до рвоты? Это не может быть правдой. Разве драконья рыба настолько глупа, что не знает, когда она сыта?

Или наследник флейты орла использовал жертвоприношение драконьей рыбе как предлог, чтобы «кормить» что-то в её желудке?

«Если дракон в прошлом действительно питался людьми, то, вероятно, только самые высокопоставленные Гу Синь имели право это делать», – усмехнулся Вэй Сюнь.

«То есть водный путь дракона проходит под руинами Шангшунга, и есть путь от храма Сайкан к озеру Дангрэн-Юнцэ Драконья рыба заплывала в озеро через этот путь?»

Возможно, это не «дракон» из тех времён, а просто потомок той рыбы. Ведь с эпохи Шангшунга прошла тысяча лет, и Вэй Сюнь никогда не видел рыбу, которая могла бы прожить так долго.

«Но для наследника флейты орла карта была важнее самой тханка. Или, как сказала Амала, он не знал, что кожа, на которой нарисована карта, – это кожа Гу Синь, противоположность коже демона?»

«Всё интереснее и интереснее», – пробормотал Вэй Сюнь, улыбаясь снежному барсу, который незаметно последовал за ним. В его глазах сверкал свет.

«Я хочу посмотреть, есть ли в этом мире демоны».

Может быть, они действительно существуют, как демоническая форма Вэй Сюня. Если великий демон Чабала Жэнь из легенд Бон реален...

Вэй Сюнь облизнул губы, и свет в его глазах то вспыхивал, то угасал.

Демонические комары говорили, что их раса эволюционирует, поедая друг друга. Когда Вэй Сюнь терял рассудок, он тоже хотел съесть У Лаолю.

Когда Вэй Сюнь полностью раскрыл свою демоническую форму, его крылья ещё не были развиты, а рога не были большими.

После Путешествия в Западный Хунань Вэй Сюнь отдыхал десять дней, а это Путешествие в северный Тибет длилось двенадцать дней. После его завершения агентство Путешествий скоро назначит ему новый маршрут.

Бин 250, поднявшийся в рейтинге новичков, привлечёт много внимания, доброго или злого. До этого Вэй Сюнь должен как можно больше усилить свою мощь.

Хотя по логике этого Путешествия он не должен участвовать в поисках тханка, а должен, как сказала Амала, оставить это монахам Малого Лесного Храма, Вэй Сюнь уже загорелся идеей.

«А Чабала Жэнь вкусный?» – пробормотал он.

Под одобрительное жужжание демонических комаров («Ешь, хозяин, ешь!») и подстрекательство лисёнка («Кожа, пролежавшая тысячу лет, жёсткая, вымани демона и съешь его!») Вэй Сюнь решил исследовать руины, найти тханка и попробовать Чабала Жэня.

Он лёгкой походкой подошёл к горной тропе, прислонился к скале и стал ждать группу.

Они должны были прийти раньше. Что-то их задержало?

Как и ожидал Вэй Сюнь, обогнув поворот, он увидел группу, заблокированную тибетцами. Цзян Хунгуан и другие пытались договориться, но, несмотря на все уговоры, тибетцы не пускали их.

Обычные люди не должны были замечать группу, так что это была ловушка агентства.

В «Пьянящей красоте Западного Хунаня» путешественники сталкивались с зомби-лисами и горными демонами, а здесь всего лишь несколько тибетцев.

Вэй Сюнь заинтересовался.

Цзян Хунгуан не дурак, Сюй Ян умен, а Фэй Лэчжи известен щедростью. Почему они не смогли договориться?

- Вэй Сюнь! - закричал Фэй Лэчжи, заметив его.

Тибетцы уставились на снежного барса.

- Это твой друг? - спросил тибетец.

- Да, - ответил Вэй Сюнь по-тибетски.

Тибетцы переглянулись.

- Друг священного зверя - наш друг, - сказал тибетец. - Но он - нет.

Он указал на Линь Цимина, который нёс на спине человека в тёмно-зелёном плаще.

- Вэй Сюнь, - сказал Цзян Хунгуан, - мы не можем пройти. Они говорят, что мы нечисты.

Вэй Сюнь подошёл к Линь Цимину и откинул капюшон.

- Дин И, - сказал он, - где твоё лицо?

Он накрыл капюшон обратно.

- Куда оно делось?

<http://bllate.org/book/14683/1309016>